
Эшли Родс-Кортер

Эшли Родс-Кортер

ТРИ КОРОТКИХ СЛОВА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
P61

Серия «Читать интересно!»

Ashley Rhodes-Courter

THREE LITTLE WORDS: A MEMOIR

Перевод с английского *Я. Красовской*

Компьютерный дизайн *В. Лебедевой*

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Joelle Delbourgo Associates, Inc. и Jenny Meyer Literary
Agency, Inc.

Родс-Кортер, Эшли.

P61 Три коротких слова : [роман] / Эшли Родс-Кортер ;
[пер. с англ. Я. Красовской]. — Москва : Издательство
АСТ, 2015. — 320 с. — (Читать интересно!).

ISBN 978-5-17-085587-2

Маленькая Эшли меняет приюты и опекунов, становясь все более одинокой и несчастной, все сильнее убеждаясь в том, что она никому не нужна. Порой приемные родители совершенно к ней равнодушны, а порой — безжалостно жестоки. И когда, казалось бы, настает самый счастливый день ее жизни — Эшли хотят удочерить, — она лишь равнодушно произносит три коротких слова: «Я не против». Действительно ли очередная семья станет для нее родной? И услышит ли она когда-нибудь другие три слова: «Мы любим тебя»?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Ashley Rhodes-Courter, 2009

 Школа перевода В. Баканова, 2015

ISBN 978-5-17-085587-2

© Издание на русском языке AST Publishers, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

У меня было больше десятка «мам». Меня родила Лорейн Родс, удочерила Гэй Кортер; остальные по очереди заполняли образовавшуюся между ними пустоту. Некоторые «мамы» были добры ко мне, иные были со странностями, а одна — Агата Шпиц — оказалась сущей ведьмой. Где бы я ни жила, я мечтала вновь оказаться рядом с мамой. Поначалу я виделась с ней довольно часто, но затем нас по необъяснимой причине разлучили на целых два с лишним года.

Я помню, с какой радостью бросилась к маме после бесконечной разлуки и всего, чего я натерпелась у Шпицев.

«Родное мое солнышко, единственная моя! Слушайся эту тетю, хоть она тебе и не мама. Я твоя родная мама, и я всегда буду любить тебя». Она обещала, что скоро мы снова будем вместе. Скоро! Как часто я слышала это слово, сколько в нем было теплоты и покоя! «Скоро я вернусь, — обещала мама. — Скоро я вернусь — с подарками. Скоро мы уедем домой».

Скоро, скоро, скоро... Я напевала эти слова как колыбельную, засыпая, твердила как мантру, оставаясь одна, повторяла как заклинание, когда ожидание новой встречи затягивалось и меня одолевали сомнения. Мама меня любит. Я — ее родное солнышко. Она скоро вернется. Скоро! Да, вернется. Доверчивая и наивная, я всегда верила ей и отчасти верю и теперь.

ГЛАВА I

День, когда у меня украли маму

Два самых плохих дня в моей жизни соревнуются за пальму первенства: тот, когда меня разлучили с мамой, и тот, когда четыре года спустя меня отдали на воспитание Агате Шпиц. За три недели до расставания мы — мама, ее муж, мой брат и я — уехали из Южной Каролины во Флориду. Мне было три с половиной года, и я лежала на заднем сиденье машины, глядя, как капли дождя складываются на окнах в причудливые узоры.

Мой младший брат Люк сидел в детском автокресле, которое никто не потрудился закрепить, и когда отец Люка делал очередной крутой поворот, кресло съезжало в сторону, прижимая меня к двери. Люк носил кардиомонитор, но, должно быть, лишь от случая к случаю, потому что я помню, как нацепила этот аппарат на своего любимого говорящего мишку.

Пока не появился Дастин Гровер, мы жили в трейлере с мамой и ее сестрой-близнецом, Лианной, которая ради меня бросила школу. Мама и тетя Лианна были совсем непохожи друг на друга — разные волосы, разный цвет глаз, — однако для меня сходство не играло большой роли: тетя Лианна нянчилась со мной ничуть не меньше, чем мама. Я никогда не поднимала шум, если одна из них уходила, передав меня другой. Я устраива-

лась под боком у тети Лианны, и она перебирала пальцами мои кудряшки, болтая по телефону.

Маме не было и восемнадцати, когда я родилась. Им с сестрой, как всем подросткам, вероятно, хотелось тусоваться с друзьями, а не менять подгузники. Тем не менее они ходили на работу в разные смены и по очереди присматривали за мной. Старшеклассники из окрестных школ охотно навевались в наш дом-прицеп, где не бывало взрослых.

Однажды вечером я смотрела по телевизору мультики, понемногу добавляя громкости, чтобы перекрыть шум.

— Сделай тише. Тише сделай, я сказала! — прикрикнула мама.

— Сами бы заткнулись, — ответила я. Мама и ее дружки так и прыснули.

Мне было два года, и я постепенно впитывала язык и привычки несовершеннолетних хулиганов, примеряющих на себя взрослые роли. Я пыталась им подражать, чем обращала на себя внимание, а мама хвасталась, как рано я стала ходить на горшок и внятно говорить.

Мама не обременяла себя лишними заботами. Она была целиком поглощена собой и не слишком беспокоилась о моей безопасности. Усаживая меня в детское автокресло, она пристегивала меня ремнями, но закрепить кресло на сиденье было нечем: в ее стареньком фургоне ремни безопасности попросту отсутствовали. Мне рассказывали, как однажды, еще в Южной Каролине, мы с мамой ехали по старой изрытой дороге. Мама неслась по ухабам, не снижая скорости. На одном из них машину подбросило, незапертая дверь распахнулась, и я вместе с креслом вывалилась на дорогу, перевернулась несколько раз и упала на бок. Мама развернула ма-

шину и тут увидела на обочине меня, все еще пристегнутую к автокреслу.

Когда появился Дастин — все звали его Дасти, — атмосфера в доме изменилась, и тетя Лианна стала реже бывать со мной. Дасти был переменчив, как океан: в одно мгновение легкая зыбь могла перерасти в хлесткие волны. Когда он орал, я съеживалась от страха. Он вбил себе в голову, что ему с порога следует подавать горячий ужин, но мама подолгу возилась со мной, и зачастую ей не хватало времени на все остальное.

— Даже пирог не можешь испечь по-человечески! — взъярился Дасти, заметив пригоревший низ пирога, и запустил форму для выпечки в стену.

Как обычно, когда назревала ссора, я пряталась под одеяло, в надежде, что оно укроет меня от ругани и драки. Уставившись сквозь дыру в одеяле на какой-нибудь предмет, например, на брошенный на полу ботинок, я отгораживалась от всех проблем.

Однажды мама задремала, а когда проснулась, обнаружила, что Дасти и тетя Лианна сидят бок о бок перед телевизором. Мама появилась как раз в тот момент, когда они, хихикая, щекотали друг друга.

— Как ты можешь! Он ведь отец моего ребенка! — набросилась она на сестру.

— Сама-то в это веришь? — огрызнулась тетя Лианна и с грохотом захлопнула за собой дверь.

Прошло несколько недель, а она все не возвращалась, и я так сильно скучала по ней, что наматывала свои кудряшки на пальцы, представляя, будто тетя рядом.

Вскоре родился Томми. Мама принесла его в желтом одеяле и разрешила поцеловать крошечные пальчики. Больше я ничего не помню, потому что через два месяца Томми не стало. Иногда мне кажется, что он мне прис-

нился, а то и вовсе был куклой, которой не разрешали играть. Когда я видела его в последний раз, он уже перестал двигать ручками и весь посерел. Мы сидели в комнате и по очереди держали его на руках. Потом Томми положили на перинку в ящик.

Вскоре после того, как пропал Томми, мама снова забеременела. Еще через пару месяцев она вышла замуж за Дасти, и какое-то время — очень недолго — мы были похожи на счастливую семью. Но Люк родился недоношенным: всего через девять месяцев после рождения Томми. Таким образом, маме не было и двадцати, а она умудрилась родить троих детей чуть менее чем за три года.

Но у Люка хотя бы был отец, в отличие от меня. При рождении мой новый братик весил всего два фунта. Мама вернулась домой без него.

— А где же ребеночек? — спросила я.

— Побудет в больнице, пока не окрепнет, — объяснила мама.

Однажды ночью я проснулась от маминых всхлипываний. Дасти хотел ее утешить, однако мама его оттолкнула:

— Это все ты виноват! Ты меня ударил! — выкрикнула она.

Прижимаясь к маминому животу, похожему на сдутый мяч, я спросила:

— А когда я увижу братика?

— Его перевели из Уилсона в Гринвиллскую больницу. Там он быстрее поправится, — ответила мама. — Скоро мы к нему поедем.

Тем временем она вернулась на работу, а поскольку работала она в вечернюю смену, приглядывать за мной полагалось Дасти. Однажды вечером, когда я в одиночестве бродила по трейлерному парку, меня увидели сосе-

ди — и отвели к себе. Я оставалась с ними, пока мама не вернулась домой.

На следующий день она упаковала вещи, и мы переселились в благотворительный семейный центр при Гринвиллской больнице.

Мы навещали Люка каждый день. Мне почти всегда приходилось сидеть в комнате ожидания, уставленной детскими столиками, и раскрашивать картинки. Изредка мне разрешали надеть медицинскую маску и войти в зал, где в коробках — не таких, что была у Томми, а из прозрачного пластика — лежали младенцы. Мама приподняла меня, и я заглядывала внутрь.

— Он так и останется там лежать? — спросила я.

— Нет, конечно, — пообещала мама, — он сильный, как его папа.

Люка выписали через семь месяцев, но ростом он был не больше моих кукол. Иногда вместо подгузника мама надевала ему одноразовую медицинскую маску.

Тетя Лианна часто звонила и приходила помогать по дому.

— Где мама? — как-то раз спросила она, когда я подошла к телефону.

— На кухне, крэк варит, — не моргнув, ответила я.

— Понятно. Я сейчас приду, — и она повесила трубку. Но когда тетя Лианна постучалась в дверь, Дасти ее не впустил.

Дасти работал прорабом на стройке. Однажды они с напарником что-то не поделили, и тот чуть не ворвался в наш трейлер. Дасти вовремя запер дверь, однако взбешенный напарник выбил ее с петель, а затем принялся крушить все вокруг. Сперва о стенку разлетелся стул, затем в меня полетел журнальный столик. Я вовремя отскочила.

— Ты чуть не прибил Эшли! — завопила мама.

— Он не попал, мам, — прошептала я, сжавшись в углу.

— Надо уезжать отсюда, — заявила мама Дасти, когда они прибирались. — Здешние на тебя плохо влияют.

— На себя посмотри, — оцетинился Дасти. — У меня тут работа, между прочим.

— Во Флориде работы не меньше, — не отступала мама, отшвырнув сломанный стул в угол. — Мне вообще не стоило оттуда уезжать, когда умерла мама.

Мою бабушку по маме звали Дженни. Первого ребенка она родила в четырнадцать лет и сразу от него отказалась. Затем у нее родились: Перри, вслед за ним близнецы — Лианна и моя мама — и младший, Сэмми. Когда бабушке Дженни исполнился двадцать один год, у нее обнаружили рак шейки матки и провели гистерэктомию. Больная, без гроша за душой, с мужем-алкоголиком, поднимавшим на нее руку, бабушка решила, что не в состоянии дальше содержать детей, и сдала их в детский дом при баптистской общине. Мама не виделась с родителями много лет, но когда бабушка Дженни лежала при смерти, мама ездила к ней во Флориду попрощаться. Бабушке Дженни было тридцать три года.

Продав скромное наследство, мама записалась на курсы косметологов. Прежде чем приступить к работе со средствами для химической завивки и окраски волос, ей следовало пройти медосмотр. Так она узнала, что беременна мной. Мама рассчитала, что зачатие произошло в ночь, когда она «отмечала» похороны бабушки. Так или иначе, через тридцать девять недель на свет появилась я. Когда у мамы начались схватки, она смотрела по

телевизору сериал «Молодые и дерзкие» и дала мне имя одной из героинь.

Наконец Дасти уступил и согласился переехать в Тампу. Мама взбодрилась. Собирая вещи, она напевала «Ты — мое солнце» и приговаривала: — «Мы переедем в Солнечный Штат и будем жить долго и счастливо».

Я почти ничего не помню об изматывающей поездке, только то, как подпевала Джоан Джетт по радио. Во Флориде мы остановились сначала в мотеле, затем в каком-то доме, где пахло, как на морском берегу во время отлива. Помню, я ходила по трейлерному парку с бутылочкой для кормления и выпрашивала молоко для Люка. Мы всегда брали еду на вынос в дешевых забегаловках, и машина насквозь пропахла маринованными огурцами и горчицей. Сидя на заднем сиденье, я с аппетитом уминала очередную порцию гамбургеров, как вдруг мама громко выругалась:

— Черт! Вляпались!

Красная полицейская «мигалка» осветила окна красивым темно-розовым светом, и руки у меня засияли, словно под кожей горел огонь.

Включилась оглушительная сирена. Дасти в сердцах саданул кулаком по рулевому колесу.

— Эшли, просись на горшок, понятно? — приказала мама.

Полицейский поинтересовался, где наш номерной знак.

— Мама, хочу пи-пи! — громко объявила я.

— Куда направляетесь? — продолжал инспектор.

— Едем в гости к моему отчиму, — ответила мама самым любезным тоном.

— Мы только-только из Южной Каролины. Переезжаем, — перебил ее Дасти. — Завтра я получу новые номера.

— Добро пожаловать в штат Флорида, — ответил ему инспектор и, бегло взглянув на меня и Люка, арестовал Дасти за отсутствие номерного знака и просроченные водительские права.

Мама то ругалась, то плакала, пока мы ждали, когда Дасти выпустят. Он вышел через несколько часов, и мы отправились в наш новый дом — оштукатуренную снаружи прямоугольную коробку на тенистой Севаха-стрит. «Мы будем жить в отдельном доме», — сказала мама, и я понял, что дела у нас пошли в гору. Через три дня пришли полицейские — и навсегда разрушили мою семью.

Я сидела на крыльце в одних шортах, когда подъехала патрульная машина.

— Его здесь нет, — ответила мама на вопрос, где находится Дасти. Один из полицейских двинулся к ней. Мама, прижимая к себе Люка, закричала: — Я ни в чем не виновата!

— Мама! — завопила я, протягивая к ней руки.

Офицер в форме оттолкнул меня и выхватил Люка из маминых объятий. Я побежала к полицейской машине, куда уже усадили маму. Задняя дверь хлопнула так громко, что у меня поджилки затряслись. Даже сквозь закрытое окно было слышно, как кричит мама. Чьи-то руки оттащили меня обратно на тротуар, машина с мамой тронулась и скрылась из виду. Я отчаянно силилась вырваться и броситься вдогонку.

— Успокойся! Не дергайся! — приказал мужчина с блестящими пуговицами на форменной рубашке.

— Винки! — захныкала я, вспомнив про своего мишку.

— Это кто еще такой?

Офицер отпустил меня в дом. Я вытащила Винки из-под своего одеяла.

— Мишку можешь взять с собой.

Полицейский наобум схватил две моих футболки, надел одну на меня и велел мне обуться. Ярко-розовую футболку с земляничкой он напялил на Люка, хотя она была слишком велика.

В участке Люка передали женщине-офицеру. Она посадила его себе на колени, я присела рядом. Люк схватил Винки за уши, а я прислушивалась к приглушенным маминым выкрикам, оглядывалась, но не могла понять, где же она. Тут вошли две какие-то женщины в обычной, не форменной, одежде. Одна из них взяла Люка, другая грубовато схватила меня за руку и потащила за собой. Винки остался у Люка.

— Дай! — зарыдала я и потянулась к своему мишке.

— Вы скоро увидите, — сказала мне одна из женщин.

— Винки!

И вдруг у меня перед глазами промелькнула мама.

— Эшли! Я скоро вас заберу! — только и успела выкрикнуть она, и дверь захлопнулась. Я обернулась. Люка уже не было. Меня вывели на улицу и погрузили в машину.

— Мамочка! Люк! Винки! — громко звала я.

— Вы скоро увидите, — повторила женщина, и машина тронулась.

Вспоминать тот день — все равно что раздирать рану, которая едва затянулась. Тогда я верила, что все будет как прежде. Я даже не догадывалась, что больше никогда не вернусь к маме, а Винки не вернется ко мне.

ГЛАВА 2**Будь паинькой —
иначе плохо придется**

Меня вырвали из семьи, и никто не объяснил мне, что произошло. Я пребывала в уверенности, что меня в конце концов привезут к маме и Люку, где бы они ни находились. Может, когда-то я и была слишком мала, чтобы понять происходящее, но прошли годы, а на мои вопросы никто так и не ответил. Мне пришлось жить у совершенно незнакомых людей. Целых девять лет меня передавали из рук в руки, как подержанную игрушку. Первые мучительные часы разлуки с мамой встают в памяти яснее, чем последующие несколько лет.

Машина притормозила. Выглянув из окна, я увидела дерево с голубыми цветками размером с чайную чашку.

— Вот мы и приехали! — сказал водитель, словно ожидая, что я обрадуюсь.

Дверца машины распахнулась, и надо мной склонилась какая-то женщина.

— Ну, привет. Меня зовут миссис О'Коннор. Я о тебе позабочусь.

И она погладила меня по голове.

— А где мама?

— Она не сможет сегодня прийти, — ответила миссис О'Коннор. К ней, вцепившись в ее юбку, прильнули двое малышей.

Меня уложили в комнате, где стояли колыбелька, детский манеж и большая двухъярусная кровать. Вокруг сопели дети, но мне было очень одиноко. Я плакала о маме. Никто не пришел меня утешить, и я, всхлипывая, стала бубнить «Ты — мое солнце», пока не уснула.